

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'42:81'27

ББК ШП41.12-51+ШП41.12-006.21
DOI 10.26170/1999-2629_2021_04_01

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 10.02.19

В. Н. Базылев

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0001-8952-9485

 E-mail: v-bazylev@inbox.ru.

«Любовь пчел трудовых»: Юрий Лужков

АННОТАЦИЯ. Статья продолжает авторскую серию психополитического анализа автопортретов политиков советской эпохи. Предыдущие материалы были посвящены советским партийным и государственным деятелям — Лазарю Кагановичу и Никите Хрущеву, Леониду Брежневу и Михаилу Горбачеву, Андрею Громыко и Александру Коллонтай. Данная статья — это обращение в рамках исследовательской парадигмы политической лингвистики к анализу автобиографического нарратива Ю. М. Лужкова — мэра Москвы на протяжении двадцати лет. Цель исследования — показать стратегию чтения и понимания автобиографии политического лидера как коммуникативного ролевого акта, авторизующего его (политика) самоосознание и саморепрезентацию. Исследование показывает, как лингвокультурные ассоциативные устойчивые стереотипы, по сути архетипы, помогают политику сконструировать свою автобиографию и тем самым сконструировать самого себя. Исследование выполнено в парадигме современной нарратологии, которая интересуется текстом с точки зрения его фикциональности (вымышленности) и фактуальности (действительности). Материалом для исследования стала книга Ю. Лужкова «Москва и жизнь». Этот текст не является автобиографией в том смысле, что не преследует цели рассказать о событиях жизни автора, представляет собой художественное произведение. Лужков отводит себе роль главного преобразователя, соизмеряет свою деятельность с петровской. Образ повествователя в «автобиографии» Лужкова распадается на целую гамму отличных друг от друга и порой взаимоисключающих проявлений. Политические воззрения Лужкова оказываются органически связанными с биографической проблемой формирования личности, политическая свобода — с проблемой личной независимости.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; советское языкознание; политическая лингвистика; языковые средства; русский язык; политические деятели; советский период; лингвистические исследования; автопортреты политиков; лингвистическая советология; автобиографии политиков; лингвоперсонология; мэры; советская идеология; языковая личность; психолингвистика; психолингвистический анализ; политические тексты; автобиографический нарратив; политическая риторика; политические речи; речевая деятельность; политическая психология; речевые портреты; политическая психология; стратегии чтения; интерпретация текста; политический нарратив.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Базылев Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор, профессор Института иностранных языков им. Мориса Тореза, Московский государственный лингвистический университет; 119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1; e-mail: v-bazylev@inbox.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Базылев, В. Н. «Любовь пчел трудовых»: Юрий Лужков / В. Н. Базылев // Политическая лингвистика. — 2021. — № 4 (88). — С. 12–20. — DOI 10.26170/1999-2629_2021_04_01.

1923 год. Издательство ГИЗ в Петрограде выпускает массовым тиражом книгу А. М. Коллонтай «Любовь пчел трудовых». Именно в ней Коллонтай, будучи признанным идеологом русской революции, задала молодому поколению страны вопросы, которые, правда, оставались открытыми на всем протяжении советской истории: «На чьей стороне будущая правда? Правда нового класса, с новыми чувствами, новыми понятиями, новыми усмотрениями?» [Коллонтай 1923: 18]. Открытыми они остались потому, что каждое новое поколение советских политических деятелей стремилось найти единственно верный ответ на них. Правда, безуспешно. Слова из письма Василисы — философско-экзистенциальные — «Жить надо. Жить и работать. Жить и бороться. Жить и жизнь любить. Как пчелка в сиренях!» [Кол-

лонтай 1923: 45] — звучали для них слишком просто и сентиментально. «Трудовые пчелы», к которым, безусловно, причислял себя любой советский руководитель, были практиками, а не теоретиками и тем более не философами, чтобы искать и находить ответы на подобные экзистенциальные вопросы. Однако им, наверное, импонировало обращение через годы выдающейся революционерки, соратницы Ленина. Помня о том, что на эти вопросы нужно найти ответы, они ощущали свою ответственность, ведь «коммунистом можно было стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» [Ленин 1981: 305], и одновременно — причастность к некой философской традиции. Здесь берет начало богатейший поток лингвокультурных ассоциаций совет-

© Базылев В. Н., 2021

ской эпохи, связанный с образом пчелиного улья. В 1924 г. массового советского читателя познакомили с книгой Б. Мандевилля «Басня о пчелах» [Книга... 1924], просветив его уже не художественно, как А. Коллонтай, а философски и идеологически, связав идеи Мандевилля через их положительную историческую, философскую и социологическую оценку с именами Гоббса, Локка, Фурье, Маркса, включенными в канон советской философии, которую как раз и следовало знать коммунисту. Идеи XVIII века оставались созвучными идеям века XX, идеям революции — борьбе с обществом, где роскошь соседствует с нищетой, праздность и расточительность — с тяжелым изнурительным трудом и бедностью, с алкоголизмом, преступностью и проституцией. Парадокс состоял в том, что каждое новое поколение советских политиков, будь то молодые герои Гражданской войны, молодые энтузиасты, шагающие в марше и преданные «отцу народов», бунтари типа «примкнувшего к ним Шепилова», «крепкие хозяйственники» эпохи Косыгина и Брежнева, «новаторы» перестройки или молодые либералы «лихих 90-х», — все они сталкивались все с теми же проблемами. Сталкивались с ними, по словам Ю. С. Степанова, как с константой русской культуры [Степанов 1997]. Юрий Лужков не стал исключением.

«Мелочь, конечно, — купить картошку. Но эта мелочь может быть организована так, что потом весь день будет противно. А если возникшее чувство оскорбленности не единственное, если вас повсюду преследуют неудобства, лишения, унижения, то все это складывается в систему, которая формирует уже совершенно иной душевный настрой. Она формирует „цивилизацию хамства“, пусть бытового, но попирающего самое главное в человеке — его достоинство. И сколько бы мне ни внушали „русские патриоты“, что у России „свой путь“, что западные нормы культуры нам не подходят, я не могу согласиться, что судьба России — мириться с хамством. И даже думаю (хотя „демократы“ тоже не похвалят за такую мысль), что когда российские избиратели поддержали демократический курс на реформы, то в массе своей вовсе не потому, что вникли в заумные рассуждения макроэкономистов. Им просто стала невыносима „цивилизация хамства“ в быту» [Лужков 2018: 98].

Лужков тоже не может избавиться от стереотипа «общество — это улей», поразившись, по его словам, «разуму этих прекрасных существ, общению в пчелиной семье».

«Я большой любитель меда. К пчелам тянуло всегда, приобщился к ним, когда по-

явился пионерский лагерь у нашего завода. Один мой сотрудник, фанат пчеловодства, Гальперин, предложил хорошую идею: сделать мобильный прицеп и возить ульи по нашим филиалам, расположенным не только в России, но и в южном направлении, на Украине и в Армении, где много солнца. Я погрузился в пчеловодство, жизнь пчел. Поразила разуму этих прекрасных существ, общению в пчелиной семье. У нас на фирме образовалось подсобно хозяйство. Мед собирали так много, что давали детям в пионерлагере и по банке меда каждому сотруднику. О моих пчелах часто писали в газетах. После отставки я продолжаю заниматься пчелами в Калужской области. Там большая пасека, свыше 200 семей. На ее базе создал целостное хозяйство, которое хорошо принято местным населением» [Лужков 2018: 81—82].

Наше исследование показывает, как лингвокультурные ассоциативные устойчивые стереотипы, по сути архетипы, помогают политику сконструировать свою автобиографию и тем самым сконструировать самого себя.

Биографическая справка. Лужков Юрий Михайлович (1936—2019) — советский и российский государственный и политический деятель. С 1958 по 1963 г. работал в НИИ пластмасс заместителем заведующего лабораторией; с 1964 по 1971 г. — начальник отдела Государственного комитета по химии; с 1971 по 1974 г. — начальник отдела Министерства химической промышленности СССР; в 1974 г. назначен директором Опытного-конструкторского бюро автоматики; в 1981 г. — директором научно-производственного объединения «Химвтоматика»; с 1986 г. — начальник управления по науке и технике Министерства химической промышленности СССР; в 1990—1991 гг. — председатель исполкома Моссовета, в 1992—2010 гг. — мэр Москвы. Осенью 2010 г. уволен тогдашним президентом России Дмитрием Медведевым «в связи с утратой доверия президента» [Борцов 1999; Медведев 2008].

Юрий Лужков не смог избежать общего, свойственного всем советским политикам «соблазна» написать о себе. Литература в России, по словам Ю. М. Лотмана, традиционно пользуется высоким общественным авторитетом: человек пишущий и публикующийся (здесь можно поставить знак равенства по отношению к слову «писатель») воспринимался и воспринимается по сей день как учитель общества. Особенно это относится к печатному слову. Оно воспринимается как санкционированная истина [Лотман 1987: 60—61].

АВТОБИОГРАФИЯ И ПОСТРОЕНИЕ САМОГО СЕБЯ

Непосредственно автобиографические фрагменты в автобиографической книге Ю. Лужкова «Москва и жизнь» образуют два не смыкающихся и параллельно текущих

потока. Один — это повествование, погруженное в бытовую обстановку с конкретными приметами места и времени, реальными именами.

«„27 августа — быть у Горбачева“, — записал в календаре. И вот я сижу в том самом кабинете Михаила Сергеевича, где бывал много раз, и удивляюсь перемене. Пространство, окружающее президента, оказалось вдруг гулким, бесхозным <...> Всматриваюсь в лицо хозяина кабинета <...> „Унижение, — подумал я, — вот что оставляет печать на лице президента...“» [Лужков 2018: 178].

Другой, также имеющий все приметы автобиографического повествования от первого лица, переносит нас в условно-поэтическое пространство, и действуют в нем «большие проекты» и «царские дела», «демократы» и «реформаторы», «олигархи» и «силовики», «правящая элита» и «мафиозные структуры». Однако все они — своеобразные «ключи», большинство из которых знакомо и легко разгадывается читателем.

«Политические амбиции республиканских руководителей слишком часто входили в конфликт с соображениями экономической выгоды. Правящая элита не хотела удовлетворяться внешней атрибутикой суверенитета. Идея создания единого экономического пространства наталкивалась на сильное давление политических групп. В одном случае это было давление националистических сил, в другом — давление государственной бюрократии, в третьем — причудливое сочетание того и другого. Плюс нарождающаяся деловая элита. Плюс крепнущие мафиозные структуры. Плюс — бог знает что. Все, кроме разумной хозяйственной расчетливости, которая отодвигалась почти на последнее место...» [Лужков 2018: 181].

Чем же вызвана такая двойственность? Очевидно, имманентными законами жанра. Описание внешнего реального мира — не главная цель автобиографического описания. Цель иная — изображение внутренних душевных состояний.

«Я же в ответ очень спокойно (как мне казалось, ибо в подобных случаях некая демоническая составляющая пробуждается в человеке) продолжаю: „Отключим электричество, воду... Не будем принимать в Москве эти псевдоструктуры... Это не рынок, а чистый обман“. Не знаю, как выглядела эта сцена со стороны. Но за внешним нарушением этикета в ней выразилась несовместимость двух стратегий реформы: имитационной и реальной» [Лужков 2018: 180].

При этом Лужков стремится описывать внутренний мир не в отрыве, а в связи с

внешним. Акцент, конечно, может меняться. В одном случае автор проникает во внутреннее через внешнее, в другом — во внешнее через внутреннее. Однако в обоих случаях Лужков мыслит себя в связи с окружающей жизнью.

«Если мне нужно, могу поехать и поговорить с региональным руководителем, могу гулять по Москве, заходить в любой магазин и везде встречу дружелюбное отношение. Когда еду за границу, я там свободный человек. Проведу официальные встречи, а в остальное время предоставлен сам себе. Это часть жизни, личная свобода. Есть вторая часть, очень важная. Я в Москве принимаю решения и вижу их результат. В Москве, может быть, не сразу, но могу проводить свою политику...» [Лужков 2018: 212–213].

Можно, конечно, принять автобиографический текст Лужкова за мистификацию, если бы читатель интуитивно не чувствовал его серьезности и значительности. Текст преподносится читателю как автобиография, но фактически ею не является в том смысле, что не преследует цели рассказать о событиях жизни автора. Перед нами — художественное произведение, умело «притворяющееся» жизненным документом. Конечно, стремление скрыть определенные факты своего реального биографического прошлого происходит у автора и под влиянием автоцензуры, и условий, в которых происходит публикация: отставка по причине «утраты доверия», обида, конец или обрыв политической карьеры.

«Я не мистик, но знаю, что человек может предчувствовать свою судьбу. Поэтому я всегда помню, как ранним ноябрьским утром Попов пригласил меня, чтобы сказать: „Все бессмысленно. Пора уходить“. И вправду. Все шло „как по писаному“» [Лужков 2018: 213].

Однако было бы крайне легкомысленно видеть в этом основную причину. Лужков, может быть, предпочел бы вообще не публиковать свое произведение, чем печатать текст, в котором он должен был бы говорить не то, что считал нужным: «Писалась книга в разных местах и условиях, часто наспех, надеюсь читатель простит. Но если мне удалось поведать о сути задач, решенных Москвой в годы мучительного перехода из одной системы государственного устройства в другую, цель моя достигнута» [Лужков 2018: 7].

Различие между биографической и художественной реальностью говорит о том, что для глубинного замысла Лужкова следование подлинным фактам его жизни не было обязательным. Нужно отрешиться от представления о том, что перед нами — биогра-

фический документ, а видеть в автобиографии Лужкова художественное произведение, построенное по законам автобиографического жанра, как их понимает автор.

Каков же был замысел произведения? Цель автобиографии оказывается тесно связанной с общими задачами, которые автор ставил перед собой.

«Великие исторические процессы отпечатывались на земле Москвы во всей противоречивости и безумстве. Новая красота совмещалась с варварским разрушением... Москва находилась в состоянии ужасном. На Тверской улице в магазинах зияли голые прилавки. Не хватало хлеба, водочные и табачные бунты сотрясали Москву. Спасать родной город требовалось немедленно. Предстояла трудная и очень увлекательная работа. В книге я рассказываю о ней» [Лужков 2018: 5].

О ней и о себе, конечно. О своей жизни в нескончаемой череде реформ и преобразований, изменений и поисков, поисков себя и своего места в жизни, своего предназначения.

«Тут-то и выяснилось, что я — „средний“, то есть срединный, нормальный, промежуточный. Похоже, это так на меня повлияло, что с тех пор навсегда исчезла способность воспринимать себя как нечто особое и отмеченное. Если что и отличало меня от других, то, скорее, как раз полное отсутствие интереса к себе, растворение в окружающем. Я был счастлив, что живу в этом городе, в нашем дворе, и всегда точно знал, что это место, в котором живу, лучшее в мире» [Лужков 2018: 25].

Наставлять современников и потомков в искусстве жить — вот что считает Юрий Лужков своей задачей. Для современников — не без аллюзий. Одна из главок автобиографии названа «Пить, курить, говорить я научился одновременно». Это аллюзия на миниатюру А. Райкина «О воспитании детей» (1974 г.). Главка «С метлой, ломом и лопатой» — аллюзия на строки песни К. Симонова и М. Блантера «Корреспондентская застольная» (1943 г.). Главка «Еще раз про любовь» — аллюзия на культовую мелодраму советского кинематографа 1968 г. Это типичный постмодернистский автобиографический дискурс, одним из основных признаков которого, по словам В. В. Дементьева, выступает структурный коллаж [Дементьев 2010: 236].

Наставлять в том, что А. Блок описал восторженно-пафосными строками, известными всем со школьной скамьи: «О, весна без конца и без краю — || Без конца и без краю мечта! || Узнаю тебя, жизнь! Принимаю! || И приветствую звоном щита!» Все истори-

ческие переходы из одной системы государственного устройства в другую сам Лужков всегда принимает безоговорочно. Причем — неоднократно им переживаемые: после смерти Сталина («В школе у большого портрета Сталина с красными знаменами, опоясанными черными траурными лентами, сменяя друг друга парами, мы молча стояли в почетном карауле... Потом мы пытались попасть на похороны в Колонный зал, где установили для прощания гроб с телом Сталина...»); в хрущевскую «оттепель» («Когда мне исполнилось 28 лет, ни с того ни с сего мне позвонили из Управления кадров Госкомитета по химии и предложили должность начальника отдела... На коллегии прозвучало: „Детей назначаем руководителями...“»); в горбачевскую «перестройку» («В 1986 году я оставил любимую специальность и перешел в городскую исполнительную власть»); в «лихие 90-е» («Товарищ Лужков, по радио только что объявлено о смене власти в стране») [Лужков 2018: 44, 75, 88, 145].

Наставлять не в плане государственного быта, не внешних и внутренних условий общественного существования, не промышленности или сельского хозяйства, а именно в плане «искусства жить» — цель, которая может быть достигнута не усилиями власти, а действиями самого человека.

«Впервые в жизни увидел какую-то дурь властей, их некомпетентность и полное безразличие. Так что, когда через много лет решился стать руководителем, это послужило ответом той ситуации...» [Лужков 2018: 64].

Совершенно очевидно, что роль главного преобразователя Лужков отводит себе. Тогда становится понятным, почему свою деятельность он соизмеряет с петровской. Прочитав строки из главки «Памятник Петру Первому», адресат не посчитает это преувеличением.

«После президентских выборов 1996 года Чубайс возглавил Администрацию Президента, а Березовский вошел в Совет безопасности. Оба они помогли Ельцину победить коммунистов... С командных высот они решили навестить упущенное и нанести мне, взявшемуся за „царское дело“, мощный удар... Поэтому я решил почтить память этого великого царя, преобразовавшего Россию, по словам Пушкина, „прорубившего окно в Европу“. Петру претила отсталость России от Запада в науке, ремеслах, искусстве, он добился своей цели: победил на суше и на море, создал индустрию, армию и флот, Академию наук, основал Санкт-Петербург. Благодаря ему Россия стала великой державой» [Лужков 2018: 312].

Все реформы мыслятся и представляются в автобиографии как продолжение петровских. Его, Лужкова, «большие проекты»: «Охотный ряд», Поклонная гора, Гостиный Двор, Москва-Сити, храм Христа Спасителя, памятник Петру Первому, Московский университет, дворцы Алексея Михайловича и Екатерины II, «Красные холмы», Большой театр, «Рабочий и колхозница» [Лужков 2018: 291–327].

Лужков создает особый образ повествователя, образ, который делается как бы посредником между автором и читателем. При этом надо было построить образ так, чтобы читатель принял его за самого автора, за Лужкова, и поверил бы в свою иллюзию так же, как он поверил, что читает подлинную биографию бесхитростного градоначальника, описывающего все, что было и есть в его жизни. Лужкову это удалось. Читатель, безусловно, сочувствует герою автобиографии и воспринимает его слова искренне, потому что видит себя и может легко вообразить себя в тех же жизненных ситуациях. Для современников Лужкова — начиная с самого детства или юности.

«Наша семья, как все соседи, с трудом сводила концы с концами, жила от аванса до получки отца. С правой стороны Москвы-реки, на Павелецкой набережной, где находился наш барак, мало что менялось после революции 1917 года. Ни канализации, ни центрального отопления за двадцать лет не появилось» [Лужков 2018: 15]. «Студенческая жизнь захватила полностью... В первом семестре платили за обучение. При Хрущеве высшее образование ввели бесплатное. В нашем институте выдавали всем студентам, кто учился без троек, стипендию. На первом курсе — 300 рублей, с каждым годом она повышалась... Еще за 300 рублей^[1] я подрабатывал дворником — метлой, ломом и лопатой...» [Лужков 2018: 47–48].

Конечно, нужно учитывать двойственность читательской аудитории любой автобиографии. Психотип читателя, по утверждению В. П. Белянина, меняется во времени и пространстве [Белянин 1996: 54]. Если для читателей поколения 90-х или нулевых это набранные типографским шрифтом имена, условные знаки определенных идей и программ (Горбачев, Ельцин, Чубайс и пр.), то для старшего поколения, как и для самого Лужкова, это лица своих знакомых — друзей и недругов, тех, кого он постоянно встречал в Кремле, Мосгордуме, про которых знал, что о них думают, что они представляют собой на самом деле.

Как видим, образ повествователя в «Автобиографии» Лужкова очень сложен: он

распадается на целую гамму отличных друг от друга и порой взаимоисключающих проявлений. В целом ряде эпизодов это молодой человек с признаками искренности и естественности.

«С куревом „завязал“ в 28 лет, после того как перешел на службу в Госкомитет и стал руководителем. У меня курение отнимало много времени, курить приходилось выходить из комнаты, где работали другие сотрудники. Поэтому решил бросить курить не из-за проблем со здоровьем. Моя цель — все время на службе отдавать работе... Что пили? Водку, конечно, она стоила недорого, считаю ее самым лучшим крепким алкоголем. На хорошей воде она лучше коньяков и виски. Вина в моем кругу пользовались меньшим почетом. Популярным в компаниях считался недорогой довольно крепкий портвейн 777, в народе его называли „Три семерки“ или „Три топора“, за сходство очертания цифр с топором, и „Очко“, в картах сумма трех семерок равнялась очку — 21» [Лужков 2018: 76].

В других эпизодах это созревшее, уже ждущее своего выражения «лицо времени».

«Ельцин в растерянности и раздражении через несколько секунд, в которые он искал решение, наконец произнес: „Юрий Михайлович, я вам разрешаю проводить приватизацию в Москве по вашим принципам, но требую, чтобы вы не мешали Чубайсу выполнять свою работу в России. Вы согласны?“ — „Как мэр Москвы я согласен, — был мой ответ, — а как гражданин России — нет. Чубайс своей приватизацией развалит промышленность страны!“» [Лужков 2018: 206].

С одной стороны, все это просто и доступно для имитации, с другой, обыденная жизнь и обыденный человек получили своего литературного — следовательно, благородного, культурно значимого — двойника, с аналогиями в судьбах деятелей культуры и искусства, вплоть до культурного третирования и преследования со стороны властей предрежащих.

«Впервые в истории города установили памятники режиссерам Станиславскому и Немировичу-Данченко, артисту Юрию Никулину, архитекторам Баженову и Казакову, инженерам Шухову и Мельникову, строителю первой железной дороги Санкт-Петербург — Москва. Все упомянутое дает основание утверждать о ренессансе, возрождении искусства в городе. За два десятилетия монументов, художественных музеев, театров стало больше, чем основано за два века. В старинных особняках возникли галереи Ильи Глазунова, Александра Шилова, Зураба Церетели. За что им такая честь? — осуждали меня поклонники агрессивного

концептуального искусства. Отвечаю: не потому, что они мои друзья, их почитает народ, они по праву носят звание народных художников СССР и России. Как все москвичи, я стоял часами в очереди в Манеж на выставку Ильи Глазунова, напомнившую мне картины Сурикова в Третьяковской галерее, куда наш класс водила учительница. Люди шли бесконечно, он выразил то, о чем они думали и не могли открыто сказать, не рискуя свободой. То был протест, посильнее словесных высказываний и митингов, своего рода подвиг. Глазунова замалчивали, третировали в прессе, как меня. Илья Сергеевич подарил картины Москве, их все видят в галерее его имени на Волхонке. По ним будут учить детей на уроках истории, рассказывая о революции 1917 года, несуразностях Перестройки и уродствах нашего времени» [Лужков 2018: 282—283].

Показательно в дискурсивной практике Лужкова следующее: чтобы выразить свои мысли и чувства, он прибегает к форме диалога. Ищущая мысль монологически им не выражается. Чтобы «найти себя», определить свое отношение к разрушающимся на его глазах ценностям, ему следует разделить себя на два «я» и дать им в споре искать ответы на жизненно важные вопросы.

«Продолжаю активно работать (*речь идет о периоде жизни после отставки.* — В. Б.). И поэтому чувствую себя комфортно. Но вместе с тем, как может себя чувствовать полностью комфортно человек, который видит, какие проблемы сегодня существуют в родной стране?» [Лужков 2018: 347].

Тем самым, строя свою личность, он создает модель для современников, строит личность не только свою, но и своего читателя. Художественной структурой этого диалога Лужков утверждает, что в некоторые моменты духовной истории раздвоение личности необходимо — только оно делает эту личность в какой-то мере адекватной окружающему ее миру. Это подымает и автора, и читателя в его собственных глазах, внушает уважение к себе и приучает наблюдать себя со стороны в качестве достойного объекта литературного произведения, каковым в данной ситуации выступает автобиография политика. Ведь, по мнению Н. Д. Голева, человеку свойственно особое переживание пространства и времени: как подлинно реальное воспринимается «свое», домашнее, лично знакомое и привычное [Голев 2009: 89—90]. Поэтому на страницах автобиографии Лужков разворачивает перед читателем неофициальный облик советской и постсоветской жизни и неисторический образ исторических событий, показав их глазами человека,

который еще не до конца разобрался, какие события исторические, а какие нет, заставляя читателя поверить в развернутую перед ним жизнь, пережить чувство очевидца.

«Избирательная кампания^[2] набирала обороты. Федеральные и региональные телеканалы обрушились на КПРФ. Невзирая на возраст и опасения врачей, Ельцин отплясывал перед телекамерами в компании длинноногих девушек в мини-юбках. В первом туре выборов победить ему не удалось, как обычно... Но во втором туре Ельцин выиграл гонку и остался в Кремле. Помогли ему не только миллионы долларов олигархов, но и миллионы москвичей. В почтовые ящики квартир всех жителей Москвы опустили миллион листовок с моим призывом к москвичам голосовать за Ельцина. Когда меня спрашивают, почему я так активно включился в поддержку Б. Н. Ельцина, отвечаю: потому что на этом пути есть надежда на то, что отстроимся, на то, что покончим с бандитами, будем жить сытно, богато и счастливо, без смут и неурядиц. ...Сложно ответить на вопрос, что для меня значил Ельцин. Я знал нескольких Ельциных^[3]. Первый считался символом обновления... Второму Ельцину хотелось нравиться не только россиянам, но и всему западному миру, и в первую очередь — Америке... Потом все увидели третьего Ельцина, больного, с вредными привычками к алкоголю, допустившего безумную приватизацию и реальную криминализацию страны...» [Лужков 2018: 254—255].

Такие зарисовки и аллюзии должны характеризовать Лужкова в глазах читателя как трезвого политика, видящего перед собой реальных людей. И, как это часто бывает с политиками, в конце своей политической биографии Лужков сделался свидетелем крушения надежд целой исторической эпохи. Он вышел из этого горнила закаленным, но с душой, покрытой шрамами. В его характере не остается ничего, что можно было бы назвать суетностью. Он ничего не ждет от жизни для себя. Характер сложился, но развитие личности не остановилось. Да и не мог остановиться мыслящий и чувствующий человек, каким описывает себя Лужков.

«Что касается моей сегодняшней занятости, то дай мне Бог осуществить мою цель — создать безубыточное сельскохозяйственное производство. Я чувствую себя великолепно с точки зрения того, чем занимаюсь. К сожалению, по-прежнему не хватает времени на все: я задействован ничуть не меньше, чем прежде в химической промышленности и в городской среде...» [Лужков 2018: 347].

Так складывается идеал жизни. Совсем не случайно, что в центре мира оказывается семья. Здесь сосредоточены подлинные ценности, здесь человек обретает независимость. Дом — это звено цепи подлинного существования, место, где встречается прошлое с будущим, символ непрерывности культуры.

«Я — семейный человек. ...У нас хорошая семья, крепкая...» [Лужков 2018: 138—139].

Главное — все отдавать людям, ничего для себя. Лужков ни о чем для себя не просил. Только для других. Вот характерный эпизод, приводимый в автобиографии.

«Ельцин пригласил меня, как только объявили результаты второго тура президентских выборов. Пригласил первым среди членов „группы поддержки“. И говорит: „Юрий Михайлович, назовите любую вашу просьбу, и я ее выполню. Любую“. — „Борис Николаевич, — говорю я в ответ, — смените гнев на милость в отношении Кобзона. Он не ваш сторонник, но он вел себя честно“. Иосиф Кобзон — личность совершенно самостоятельная в своих оценках, в своей оценке Ельцина в том числе. Но „доставать“ за это человека, унижать, лишать сцены — это было недостойно. Правда, от моей просьбы президента перекошило. Но он мне сказал: „Я не ожидал услышать от вас такое желание. Но я сделаю все, чтобы оно было выполнено“. И действительно, перестали публично „доставать“» [Лужков 2018: 254].

Отдельные фрагменты автобиографии Лужкова выражают, помимо прочего, душевное смятение автора. Он чувствует, что великая эпоха, эпоха, которая открыла советским людям столько истин и возбудила столько надежд, закончена. И тут же, не дожидаясь исторической дистанции, он пытается оценить происходящее.

«Текст отречения^[4], вскоре опубликованного в газетах, обсуждали деловито, спорили без каких-либо предвзятостей. Мы предложили более радикальные формулировки. Михаил Сергеевич остановился на других, помягче, оставив прежней суть. В конце концов, это его личное заявление, и он сам был вправе выбирать слова. Но как бы ни звучало отречение, оно поставило точку в вековой истории Коммунистической партии Советского Союза» [Лужков 2018: 178].

Слова эти — краткое, но исключительно выразительное резюме настроения советских людей. Лужков выражает общее настроение. Поэтому отголоски тех событий в его автобиографии достаточно свободно соединяются.

«Закончу эту главу семейной историей... Поехали мы всей семьей отдыхать в Бело-

руссию, в Беловежскую пушу. Оказались в Вискулях — там, где подписывали Беловежские соглашения. И вот однажды Оля, моя младшая дочь, идет вместе с мамой и спрашивает:

— Мама, а почему папа никогда не ходит вон по той дорожке и к домику тому не подходит?

— Нехороший тот домик, — отвечает мама. — Вот папа его и не любит.

Но Ольга не отстает, она дотошная... Тогда жена остановилась и объясняет ей:

— Понимаешь, Оля, была у нас большая страна. И было в ней много всего разного <...> Такая вот была страна. Большая и сильная, которую уважали. Называлась Советский Союз <...>

— И что же случилось? — переспрашивает Оля.

— А случилось, — продолжает мама, — то, что нашлись три дяди, которые тоже захотели, чтобы у них была власть... И вот в этом нехорошем домике они и написали такую бумагу, чтобы большой страны не было, а вместо нее возникло несколько стран помельче, в которых эти дяди были бы самыми важными и главными...

Вдруг, смотрю, бежит, но не ко мне, а старшую сестру Алену увидела. А та по дорожке идет, как раз к тому „домику“. И вот проносится моя младшая мимо меня, бежит к Аленке и кричит: „Не ходи туда, там три болвана страну развалили!“

Да, устами младенца...» [Лужков 2018: 189—190].

Да, берется общее: дух оптимизма, вера в преобразование, не когда-либо, не в отдаленном будущем, а именно здесь и сейчас, на глазах живущего поколения. И это не только книжная идея — это живая вера поколения 70-х годов: *иду — красивый, двадцатидвухлетний*. Это по Маяковскому, которого учили наизусть в школе.

Никто из них, из тех, кто будет двадцать лет спустя читать книгу Лужкова, не подозревал, что взрыв так близок. Но те, кого шторм Белого дома застал молодыми, не только умом, но и всем существом своим поверили, что им посчастливилось стать свидетелями конца главнейших бедствий человечества — краха социализма и СССР. Напрасно видеть в автобиографии Лужкова воспроизведение точной биографической реальности, но биография души здесь воссоздана точно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Юрий Лужков как политик сконструировал в книге свою автобиографию и тем самым сконструировал самого себя.

Политические воззрения Лужкова оказываются органически связанными с биографической проблемой формирования личности, политическая свобода — связанной с проблемой личной независимости.

Политическая свобода определяется им как отношение человека к государству, и здесь в определенные моменты Лужков склонен признавать приоритет государства как выразителя общих интересов. Независимость — это право человека думать и говорить то, что думает, вести тот образ жизни, который ему свойствен, иметь свою систему ценностей, не отчитываться о своих эстетических или моральных предпочтениях ни перед кем, кроме Бога.

Лужков не случайно приводит в автобиографии эпизод, когда Ельцин требует приостановить восстановление храма Христа Спасителя в Москве: «Я ему ответил: „Это не в моих силах“. Вообще-то я не мистик, но не могу не состыковать его слова с тем, что произошло в последующем. Отрешение Ельцина от должности случилось секунда в секунду с малым освящением храма 31 декабря 1999 года. Что это — совпадение или воля providения?» [Лужков 2018: 310].

Лужков наблюдает. То, что он видел, ужасало, но и влекло. Можно думать, что в вихре политических изменений, в потоке слов магнитной стрелкой для него была его, по его словам, личная честность. Общественно-исторические перемены сопровождалась ломкой представлений: идеал советского человека — строителя коммунизма, моральный кодекс строителя коммунизма был высмеян. На смену им было выдвинуто понятие, как в эпоху Просвещения, разумно понятого эгоизма. Так осуществился возврат к «истокам» — к «модели» пчелиного улья, к «Басне о пчелах» Мандевиля и «трудовым пчелам» А. Коллонтай, к пчелиной пасеке Юрия Лужкова.

«Вместе с овцами и лошадьми не забываю о своих пчелах. Я перевез их из Молодевно, где находилась резиденция мэра Москвы, в Калужскую область. Там большая пасека, свыше 200 семей. На ее базе создал целостное хозяйство, которое хорошо приняло местное население» [Лужков 2018: 347].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] С нашей точки зрения, к данному абзацу необходим расширенный комментарий, касающийся соотношения цен и зарплат в середине 50-х годов, т. е. до денежной реформы 1961 г. Такой комментарий призван дезавуировать литературные приемы автобиографии Лужкова. В 1950 г. средняя сумма получаемой зарплаты была 601 рубль. В 1955 г. в целом по народному хозяйству зарплата была 711 рублей, в сфере промышлен-

ности — 807 рублей, в строительстве — 742 рубля. В сельском хозяйстве получали 458 рублей, железнодорожникам платили 768 рублей, учителям и преподавателям — 742 рубля. В 1953 г. килограмм белого хлеба можно было купить за 3 рубля, черный хлеб — за 1 рубль, килограмм говядины — за 12 рублей 50 копеек, литр молока — за 2 рубля 24 копейки, масло сливочное — за 27 рублей 80 копеек, а растительное — за 17 рублей. Десяток яиц стоил 8 рублей 35 копеек, водка — 22 рубля 80 копеек, пара обуви — 188 рублей, самый дорогой костюм — 1500 рублей. В продаже появился автомобиль «Победа» за 16 тысяч рублей и автомобиль «Москвич» за 9 тысяч рублей. На прилавках магазинов можно было найти красную икру по 36 рублей за килограмм и черную икру по 85 рублей за килограмм. Кофе в зернах продавался по 50 рублей за килограмм.

[2] Речь идет об избирательной кампании 1996 года — президентских выборах, основными соперниками на которых оказались действующий президент России Б. Н. Ельцин и лидер КПРФ Г. А. Зюганов.

[3] Как тут не вспомнить пушкинские строки: «Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут» (А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959—1962. Том 10. Письма 1831—1837. С. 172).

[4] Речь идет о событии 25 декабря 1991 года, когда Михаил Горбачев заявил о прекращении своей деятельности на посту президента СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белянин, В. П. Введение в психиатрическое литературоведение / В. П. Белянин. — Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 1996. — 281 с. — Текст: непосредственный.
2. Борцов, Ю. М. Юрий Лужков / Ю. М. Борцов. — Москва: Феникс, 1999. — 416 с. — Текст: непосредственный.
3. Медведев, Р. А. Юрий Лужков и Москва / Р. А. Медведев. — Москва: Время, 2008. — 480 с. — Текст: непосредственный.
4. Голев, Н. Д. Лингвоперсонология / Н. Д. Голев. — Кемерово: Кемеровский ГУ, 2009. — 384 с. — Текст: непосредственный.
5. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. — Москва: Знак, 2010. — 600 с. — Текст: непосредственный.
6. Книга для чтения по истории философии / сост. А. М. Деборин. — Москва: ГИЗ, 1924. — 446 с. — Текст: непосредственный.
7. Коллонтай, А. М. Любовь пчел трудовых / А. М. Коллонтай. — Петроград: ГИЗ, 1923. — 306 с. — Текст: непосредственный.
8. Ленин, В. И. Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г.) / В. И. Ленин. — Текст: непосредственный // Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — Москва: Политиздат, 1981. — Т. 41. — С. 298—318.
9. Лотман, Ю. М. Сотворение Карамзина / Ю. М. Лотман. — Москва: Книга, 1987. — 336 с. — Текст: непосредственный.
10. Лужков, Ю. М. Москва и жизнь. Автобиография / Ю. М. Лужков. — Москва: Э, 2018. — 352 с. — Текст: непосредственный.
11. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. — Москва: Школа «Языки

русской культуры», 1997. — 824 с. — Текст : непосредственный.

V. N. Bazylev

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0001-8952-9485

✉ E-mail: email.

“Love of Worker Bees”: Yuri Luzhkov

ABSTRACT. *The article continues an authored series of psycho-political analysis of self-portraits of politicians of the Soviet era. The previous materials were devoted to Soviet party and state figures – Lazar Kaganovich and Nikita Khrushchev, Leonid Brezhnev and Mikhail Gorbachev, Andrei Gromyko and Alexandra Kollontai. This article focuses, within the framework of the research paradigm of political linguistics, on the analysis of the autobiographical narrative of Yu. M. Luzhkov, Mayor of Moscow for about twenty years. The aim of the study is to show the strategy of reading and comprehension of the autobiography of a political leader as a communicative role act authorizing the politician's self-awareness and self-presentation. The study shows how linguocultural associative stable stereotypes, in fact archetypes, help a politician to construct his autobiography and thereby construct himself. The research is carried out in the paradigm of modern narratology, which looks at the text from the point of view of its fictionality (fiction) and factuality (reality). The study analyzes the book by Yu. Luzhkov “Moscow and Life”. This text is not an autobiography in the sense that it does not aim to tell about the events of the author's life; it is a work of fiction. Luzhkov assigns himself the role of the main reformer and compares his activity with that of Peter the Great. The image of the narrator in Luzhkov's “autobiography” breaks up into a whole range of different and sometimes mutually exclusive manifestations. Luzhkov's political views turn out to be organically associated with the biographical problem of personality formation, and political freedom — with the problem of personal independence.*

KEYWORDS: political discourse; Soviet linguistics; political linguistics; language means; Russian language; politicians; Soviet period; linguistic studies; self-portraits of politicians; linguistic Soviet studies; autobiographies of politicians; linguopersonology; mayors; Soviet ideology; linguistic personality; psycholinguistics; psycholinguistic analysis; political texts; autobiographical narrative; political rhetoric; political speeches; speech; political psychology; speech portraits; reading strategies; text interpretation; political narrative.

AUTHOR'S INFORMATION: Bazylev Vladimir Nikolaevich., Doctor of Philology, Professor, Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Bazylev, V. N. “Love of Worker Bees”: Yuri Luzhkov / V. N. Bazylev // Political Linguistics. — 2021. — No 4 (88). — P. 12-20. — DOI 10.26170/1999-2629_2021_04_01.

REFERENCES

1. Beljanin, V. P. Introduction to psychiatric literature / V. P. Beljanin. — Munich : Verlag Otto Sagner, 1996. — 281 p. — Text : unmediated. [Vvedenie v psichiatricheskoe literaturovedenie / V. P. Beljanin. — Mjunhen : Verlag Otto Sagner, 1996. — 281 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
2. Borcov, Ju. M. Jurij Luzhkov / Ju. M. Borcov. — Moscow : Feniks Publishing House, 1999. — 416 p. — Text : unmediated. [Jurij Luzhkov / Ju. M. Borcov. — Moskva : Izd-vo «Feniks», 1999. — 416 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
3. Medvedev, R. A. Jurij Luzhkov and Moscow / R. A. Medvedev. — Moscow : Vremja Publishing House, 2008. — 480 p. — Text : unmediated. [Jurij Luzhkov i Moskva / R. A. Medvedev. — Moskva : Izd-vo «Vremja», 2008. — 480 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
4. Golev, N. D. Linguistic personology / N. D. Golev. — Kemerovo : Kemerovo State University, 2009. — 384 p. — Text : unmediated. [Lingvopersonologija / N. D. Golev. — Kemerovskij GU, 2009. — 384 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
5. Dement'ev, V. V. Theory of speech genres / V. V. Dement'ev. — Moscow : Znack Publishing House, 2010. — 600 p. — Text : unmediated. [Teorija rechevyh zhanrov / V. V. Dement'ev. — Moskva : Znak, 2010. — 600 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
6. Reader on the history of philosophy / ed. A. M. Deborin. — Moscow : GIZ Publishing House, 1924. — 446 p. — Text : unmediated. [Kniga dlja chtenija po istorii filosofii / sost. A.M. Deborin. — Moskva : GIZ, 1924. — 446 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
7. Kollontaj, A. M. Love of Labor Bees / A. M. Kollontaj. — Petrograd : GIZ Publishing House, 1923. — 306 p. — Text : unmediated. [Ljubov' pchel trudovyh / A. M. Kollontaj. — Petrograd : GIZ, 1923. — 306 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
8. Lenin, V. I. Tasks of youth unions (Speech at the III all-Russian Congress of the Russian Communist Youth Union on October 2, 1920) / V. I. Lenin. — Text : unmediated // Complete works. — 5th edition. — Volume 41. — Moscow : Politizdat Publishing House. — P. 298—318. [Zadachi sojuzov molodezhi (Rech' na III Vserossijskom s#ezde Rossijskogo Kommunisticheskogo Sojuza Molodezhi 2 oktjabrja 1920 g.) / V. I. Lenin. — Polnoe sobranie sochinenij. — 5-e izd. — T. 41. — Moskva: Politizdat, 1981. — S. 298—318. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
9. Lotman, Ju. M. The Creation of Karamzin / Ju. M. Lotman. — Moscow : Kniga Publishing House, 1987. — 336 p. — Text : unmediated. [Sotvorenje Karamzina / Ju. M. Lotman. — Moskva : Izd-vo «Kniga», 1987. — 336 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
10. Luzhkov, Ju. M. Moscow and Life. Autobiography / Ju. M. Luzhkov. — Moscow : “JE” Publishing House, 2018. — 352 p. — Text : unmediated. [Moskva i zhizn'. Avtobiografija / Ju. M. Luzhkov. — Moskva : Izdatel'stvo «Je», 2018. — 352 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
11. Stepanov, Yu. S. Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience / Yu. S. Stepanov. — Moscow : Shkola «Yazyki russkoj kul'tury» Publishing House, 1997. — 824 p. — Text : unmediated. [Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya. — Moskva: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1997. — 824 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)